

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3\(24\)-17-24](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24)

НОВЫЙ РИМ В НОВОМ МИРЕ: К ВОПРОСУ О РОЛИ США В КОНСТРУИРОВАНИИ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Ольга Ивановна Ивонина

*Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Рукопись поступила в редакцию:</i> 28 апреля 2016 г. <i>Принята к печати:</i> 15 июня 2016 г.</p>	<p>Аннотация: В статье рассматривается эволюция понимания современного международного правопорядка в зарубежной глобалистике. Делается вывод о том, что утрата эпистемологического и социально-политического оптимизма современных исследователей сопровождается критикой ими линейно-прогрессистских концептов развития системы международного права, открывая дорогу принципам альтернативности, синергетики, транзитивности исторического развития. Неоконсенсус представителей школы Realpolitik (неоконсерваторов) и институционального либерализма (неолибералов) основывается на допущении иной природы международной правосубъектности в условиях возникновения новых угроз национальной и всеобщей безопасности со стороны транснационального терроризма и несостоятельных государств. Практическим воплощением такого нео-неоконсенсуса становится легитимация гуманитарных интервенций и превентивного сдерживания «преступных режимов» на периферии мир-системы.</p>
<p>Об авторе: д.и.н., профессор Кафедры отечественной и всеобщей истории НГПУ e-mail: ivonina@ngs.ru</p>	
<p>Ключевые слова: мультипликация мир-системы, конкурирующие идентичности, неоконсерватизм, неолиберализм, новый мировой порядок.</p>	

Принципиально новый контекст обсуждения пространственно-временных параметров нового миропорядка сформировался в науке о международных отношениях на рубеже 1980-90-х гг. XX века. Концентрация на небольшом временном отрезке знаковых событий мировой истории (крушение Берлинской стены, распад СССР) определила хронологические рамки «короткого XX века», поместившегося в промежутке между Первой мировой войной (1914–1919) и завершением «холодной войны» (1989–1991).

Осмысление итогов недавней истории в ситуации наступившего мира и согласия придавало дискурсу современного мира нехарактерное для эпохи fin du siècle чувство удовлетворенности историей, порождая миллениаристские версии Модернити как благополучного эпилога мировой истории.

В дискурсе о новом миропорядке 1990-х гг. XX в. преобладали конструктивистские подходы. Упорядоченность мир-

системы как устойчивого состояния взаимозависимости всех акторов мировой политики достигается, по мнению Ф. Фукуямы, не стихийной борьбой разнонаправленных национальных интересов и жаждущих признания «идентичностей», а сознательными усилиями по формированию ее универсальной правовой основы, эффективность и прогрессистский вектор которой доказаны историческим опытом развития либеральных демократий¹.

Смещение дискуссий об институционально-нормативной основе Нового миропорядка в область мировой политики и международного права способствовало углублению понимания Современности как глобального проекта. Присутствие в работах международных экспертов категории «глобального»

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: Изд-во АСТ, 2004. – С.17. [Fukuyama, Francis. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man). Moscow: Izd-vo AST, 2004. P.17.]

развития свидетельствовало о существенных методологических новациях в изучении современности как переходной эпохи. Важный для историков международных отношений акцент на состоянии *среды системы (Medium)* интерактивного взаимодействия, переформулированный в понятие «глобального контекста» мировой политики, сопровождался изменением языка и семантики исторического нарратива. Наряду с привычными субъектами истории международных отношений в лице государств, национальных движений и международных организаций, торгово-экономических объединений и военно-политических союзов, акторами мировой политики объявлялись неправительственные организации, неформальные объединения, транснациональные корпорации, отдельные регионы, мегаполисы, движения гражданской инициативы и другие внесистемные «множества», оспаривающие исключительное право суверенов формировать глобальную повестку дня.

Изменение состава действующих лиц мировой политики сопровождалось модификацией ее проблематики. Проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ – эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции, наркотрафику, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности международных пассажирских и грузопотоков, сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, словом все то, что затрагивает в первую очередь интересы частных лиц. Подобную «приватизацию» повестки дня мировой политики связывали со сменой ее главных персонажей, полагая, что место солдата и дипломата на сцене мировой истории занял турист и террорист.

Признание множественности участников глобальной политики, плюрализма отстаиваемых ими интересов и ценностей в системе международного взаимодействия скорректировало представления авторов теории демократического транзита о тра-

ектории развития глобальной цивилизации. Понятие «демократического мира» в работах международных экспертов стало маркером не только современной формы политики, но и новой технологии управления международными процессами – стратегии «вовлечения», предусматривающей добровольное участие в принятии решений по глобальной повестке дня самых разных акторов международного права.

В условиях «демократического мира» девальвируется, по мнению экспертов, ценность эксклюзивного в мировой политике. Глобальная по своим движущим силам и направленности история ставит под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических) собственной исключительности.

Различные модификации концепции «демократического мира», предлагаемые американскими и европейскими авторами в качестве альтернативы теории «баланса сил», «многополярной» или «однополярной» системе мировой политики, выражали понимание *новой природы* интерактивной коммуникации между различными доменами и акторами мировой системы в категориях «*сетевого*» взаимодействия. Конкуренция американского и европейского проектов «глобального миропорядка» отражала изменения как в реальном соотношении сил США и ЕС на мировой арене, так и наметившийся «раскол» Запада в качестве единой альтернативы «иным» коллективным идентичностям Нового мира.

В знаковой работе Р. Кейгана различие подходов США и Европы в понимании организующих принципов, структуры, приоритетов и ценностей Нового миропорядка объяснялось различием менталитетов и исторического опыта двух континентов. При обсуждении глобальной повестки дня американцы, по словам Р. Кейгана, «кажутся пришельцами с Марса, а европейцы – с Венеры... Сталкиваясь с реальными или потенциальными противниками, американцы отдают предпочтение принуждению, а не убеждению, карательным санкциям, а не созданию

стимулов, кнуту, а не прянику». В отличие от прямолинейной силовой стратегии США, европейский подход к проблемам мировой политики напоминает автору искусную дипломатическую игру, участники которой руководствуются в своих действиях принципами доверия и взаимного согласия сторон, стремящихся сначала достичь компромиссного решения, а затем создать формальную систему контроля за выполнением достигнутых договоренностей. «Европейцы склонны решать проблемы мирным путем, предпочитая переговоры, дипломатию и убеждение... В спорных вопросах они, — отмечает Кейган, — скорее станут апеллировать к международному праву, договоренностям и общественному мнению, считая, что процесс урегулирования важнее результата»². Автор полагал, что стороннему наблюдателю предлагаемые США и Европой сценарии нового миропорядка могут показаться пришедшими из разных времен. Европа, по выражению Р. Кейгана, «вступает в постисторический рай спокойствия и процветания», наступление которого предвосхищалось трагедиями «О вечном мире» XVIII в., а Соединенные Штаты кажутся «погрязшими в трясине истории, в анархическом Гоббсовом мире» политики с позиции силы. Первоначальное название работы Р. Кейгана «Сила и слабость» точнее отражало смысл неоконсервативного манифеста американской внешней политики, перевода дискуссии о новом миропорядке в старые категории политики «сдерживания», баланса сил и мирового лидерства Америки.

По мнению Э. Хобсбаума, американский сценарий Нового миропорядка отражал этос победителя в только что закончившейся холодной войне. Победа США в этом глобальном нравственном сражении, как полагал Хобсбаум, усилила и без того свойственное американцам чувство недоверия и даже нетерпимости к «другим» альтернативам мирового развития. Несмотря

на прокламируемую приверженность идеологическому плюрализму и толерантности, американцы, по мнению историка, не сочли новый мир «достаточно вместительным для долговременного сосуществования с соперничающими светскими религиями»³.

События 11 сентября 2001 года сформировали принципиально новый политический контекст поиска американскими исследователями новой парадигмы международных отношений: удары террористов по зданию Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и Пентагону в Вашингтоне как символам экономической и военной мощи Америки были одновременным вызовом интересам национальной безопасности и либерально-демократическим ценностям страны. Ответом на этот вызов стало формирование двойного консенсуса — на уровне политического истеблишмента были преодолены разногласия Президента и Конгресса, Демократической и Республиканской партий по вопросам стратегии национальной безопасности, на уровне академического сообщества было достигнуто единство мнений относительно места США в конфигурации Нового миропорядка.

Основой так называемого *нео-нео-консенсуса* стало общее понимание неоллибералами и неореалистами природы глобальных изменений в структуре нового миропорядка и места в нем Соединенных Штатов. Курс «благожелательного гегемона» на борьбу за восстановление мирового порядка со всеми факторами и акторами, угрожающими устойчивости современной мир-системы вызвал целую серию публикаций, призванных обосновать право США на создание *Pax Americana* как имперского по своей сути проекта.

Предлагаемые американской политологией сценарии нового миропорядка представляли собою симбиоз традиционных для Америки мотивов силового баланса и многосторонней дипломатии, с одной сто-

² Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. — М.: РОССПЭН, 2004. — с. 9. [Keigan, Robert. O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poriadke (On Paradise and Power: America and Europe in the New World Order). Moscow: ROSSPEN, 2004. p. 9.]

³ Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). — М.: Издательство Независимая Газета, 2004. — С. 14. [Hobsbaum, Eric. Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914-1991) (The Age of Extremes: a History of the World (1914-1991)). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta, 2004, p. 14.]

роны, и радикального разрыва с доктриной «сдерживания» и нормативной теорией мировой политики – с другой. Консенсус неоконсерваторов и неолибералов с официальным внешнеполитическим курсом привел к появлению в американском политическом лексиконе множества гибридных аттестаций типа «мускулистого вильсонизма», «консервативного либерализма», «демократической империи», призванных доказать преемственность универсальных приоритетов глобальной политики США независимо от партийной принадлежности и идейных предпочтений ее архитекторов.

Стремление политической и интеллектуальной элиты США к делегитимации принципа суверенного равенства государств демонстрировало амбивалентность тех категорий, которые еще недавно казались универсальными константами мира политики – «национальное государство», «признание», «суверенитет». Представители школы *Realpolitik* считали заслугой идеологии и практики «демократической империи» возрождение централизованной структуры современного мира. Их сценарии миропорядка исходили из признания того, что глобализация не устраняет государства в качестве основных акторов мировой политики, а предъявляет к ним более высокие требования, диктуемые интересами поддержания мира, безопасности, стабильности и устойчивого развития. «Идеальным типом» государства, вписавшимся в контекст глобализации, может быть, по их мнению, неподверженное коррупции, экономически состоятельное, вдвойне легитимное (пользующееся доверием собственного населения и мирового сообщества) государство, принимающее сложившийся миропорядок и поддерживающее его своими действиями. Таким образом, новая система международных отношений воспринималась в категориях порядка, т.е. высокой степени управляемости, гарантируемой соблюдением государствами пусть и новых, но вполне определенных правил, а не хаоса беспорядочной игры различных сил на мировой арене.

Апология вооруженного насилия, свойственная политике либерального интервенционизма, вступала в противоречие и с принципом неприменения силы, и с концепциями «демократического мира». Поис-

кам путей преодоления этой юридической и морально-политической коллизии было посвящено огромное количество исследований. Их авторы стремились показать, с одной стороны, вынужденный характер американской революции международного права, а с другой – доказать «историческую», неадекватную современным угрозам природу действующего международного права и формальных процедур принятия решений в Совете Безопасности ООН.

Доктрина «превентивной войны», нацеленная на опережение катастрофических для мира событий, преодолевает, по мнению ее авторов, свойственный действующему праву разрыв между возможным и должным, законностью и эффективностью, универсализмом ООН и существующим внутри нее конфликтом интересов Запада и Востока, Севера и Юга. Новаторский характер стратегии упреждающих действий в отношении международного терроризма обосновывался ссылками на выученные Америкой уроки истории. Ссылаясь на печальный опыт бездействия Лиги Наций перед лицом нацистской угрозы и трагедию Мюнхена, американские стратеги заявляли, что впредь они не допустят ситуации, когда потенциальная угроза превратится в реальную и предотвратить ее легальными средствами будет невозможно. Проанализировав миротворческие операции ООН в Боснии, Сомали, Руанде, американские эксперты пришли к выводу о том, что мировому сообществу следовало применять силу раньше и решительнее, руководствуясь при этом не меркантильными расчетами «цены риска», а универсальным понятием права на безопасность, которое не может быть предметом торга или калькуляции национальных интересов. В альтернативной ситуации выбора принимающие решения политики должны руководствоваться, по мнению Дж. Айкенберри, исторической логикой ответственности, памятью о неизбежности суда истории как над преступниками и соучастниками, так и над безучастными наблюдателями совершаемых преступлений⁴.

⁴ Ikenberry, John. *America's Imperial Ambition // Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.

Знаковая статья М. Гленнона положила начало полемике среди юристов и политологов по поводу судьбоносного для мирового сообщества выбора Америкой между «принципом Мюнхена» и «принципом Зорро». Последний, будучи формально недопустимым способом применения силы с целью предотвращения угрозы миру, противопоставлялся юридически безупречной, но обрекающей мировое сообщество на роль безучастного свидетеля гуманитарной катастрофы, стратегии невмешательства. Надежды американских экспертов на преодоление дилеммы эффективности/законности миростроительной практики США и последующую легитимацию мировым сообществом практики гуманитарных интервенций обосновывались ссылками на многочисленные пробелы в международном гуманитарном праве, ограничивающими внешнеполитическую активность «демократической империи»⁵.

Показателем свойственного имперскому сознанию неприятия любого нормативного ограничения собственной свободы действий можно считать эволюцию интервенционистской риторики Ч. Краутхаммера – наиболее последовательного сторонника «Рах Americana». Критикуя политиков и экспертов, озабоченных падением нормативного авторитета США, автор уподоблял приверженность европейских и американских интернационалистов принципам международного права и многосторонней дипломатии узам, которыми лилипуты пытаются связать Гулливера, противодействуя его глобальной исторической миссии⁶.

Проблема легитимации политических и правовых прецедентов, созданных действиями США по наведению порядка в международных отношениях XXI века, стала центральной в американском внешнеполитическом дискурсе. Отправной точкой ее обсуждения стало единодушное признание политиками и экспертами асимметричной структуры глобального миропорядка в условиях беспрецедентного американского лидерства. Превосходство США, измеряе-

мое реалистами в параметрах «жесткой», а либералами – «мягкой» силы, виделось залогом стабильности и долговременности грядущего «Рах Americana». Либерально-демократические традиции ультрасовременной державы в сочетании с ее ресурсными возможностями позволяли надеяться на способность Америки создать эффективную систему глобального управления, сводящей к минимуму риски любого рода конфликтов и кризисов. Представители научного сообщества считали свойственное внешнеполитическому сознанию и практике США уникальное сочетание глобальных устремлений и глобальной ответственности необходимым и достаточным условием для легитимации мировым сообществом универсализма американских ценностей и политического опыта⁷.

Война в Ираке поколебала надежды политиков и экспертов на безусловное признание мировым сообществом исключительности американского лидерства. В своей статье «Американская мощь и стратегия после Ирака» Дж. Най назвал это событие последней главой уходящего XX, а не первой страницей истории нового, XXI века, выразив разочарование в американском сценарии нового миропорядка и способе его презентации мировому сообществу⁸. Самонадеянная уверенность США в способности отразить все угрозы и решить все проблемы мира в одностороннем порядке – без консультаций с союзниками и сотрудничества с международными организациями, гипертрофированный масштаб вооруженного насилия, демонизация противника, – таков, по мнению неолибералов, краткий перечень грубых по-

⁷ См. Brzezinski, Zbigniew. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. N.Y., 2004.; Кеннеди П. Взлет и падение великих держав. – М., 2000. [Kennedy, Paul. *Vzlet i padenie velikikh derzhav (The rise and fall of the great powers)*. Moscow, 2000.]; Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. – М., 2002. [Kissinger, Henry A. *Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii XXI veka (Does America Need a Foreign Policy? Towards a Diplomacy of the 21st Century)*. Moscow, 2002.]

⁸ Nye, Joseph. U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.

⁵ Glennon, Michael J. Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.

⁶ Krauthammer, Charles. The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, p. 12.

грешностей американского внешнеполитического стиля, затрудняющих признание их сценария миропорядка другими глобальными игроками. Отказ от риторики крестового похода против исламского мира и образа Америки как мирового шерифа, возвращение США к практике создания формальных союзов и неформальных договоренностей с европейскими союзниками, вовлечение в систему глобальной политики стран БРИКС – все это, по мнению неолибералов, способно устранить барьеры недоверия и отчуждения между Америкой и «другими», сделать американское лидерство приемлемым и легитимным для всего мира⁹.

В целом либеральная критика американского гегемонизма основывалась на недопустимости превращения демократического государства в «гарнизонное» и представления об Америке как империи, присвоившей себе монополию на абсолютный суверенитет, отказав в аналогичном праве остальным участникам международной системы. Дилеммы американской политики глобального лидерства очень точно сформулировал П. Хэсснер, заявив, что перед США стоит выбор между либеральной гегемонией, ограниченной международным правом, формальными договоренностями с союзниками и партнерами, практикой многосторонней дипломатии – с одной стороны, и авторитарным глобальным управлением гипердержавы – с другой¹⁰. По мнению неолибералов, реализация стратегии «ответственного лидерства» в системе глобального миропорядка не может быть решена только силой американского оружия и/или денег. Сознание невозможности управления сложным миром, пронизанным сетями взаимозависимости, из одного центра,

рано или поздно вынудит США вернуться к традициям трансатлантической солидарности и коллективной дипломатии¹¹.

В процессе корректуры американского сценария нового миропорядка изменилось отношение политического истеблишмента к европейскому конструкту «мирового гражданского общества». Уникальный пример создания «союзной державы» на основе добровольных согласованных действий и принципа справедливости, по мнению Б. Скоукрофта, делает европейскую стратегию расширения демократии адекватной времени Постмодерна¹².

Оживление интереса американской политологии к европейскому проекту способствовало изменению ее методологического инструментария. Постмодернистский акцент на проблемах языка науки как орудия познания, конструирования и презентации изучаемой действительности, стал манифестом «фигурального реализма», исходящего из понимания глобальной истории как текста. Эвристическая значимость введенных постмодернистами в лексикон международных исследований категорий «идентичности», «ментального конструкта», «образа», «пространственно-временного контекста», объяснялась необходимостью учета тех факторов интерактивной коммуникации различных акторов мировой системы, которые не принимались в расчет сторонниками теории рационального выбора. Понимание современной истории как коллективного текста, авторы и персонажи которого живут в разных временах и пространствах, являясь «множественным» субъектом эпохи турбулентности, изменило оптику авторов социальных теорий, легализовав ценность альтернативного, идейного и культурного плюрализма.

Конструирование американской наукой о международных отношениях образа Америки как гаранта глобального миропорядка способствовало преодолению как тирании

⁹ Chace, James. Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 20-23.; Kupchan, Charles A. Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-30.; Hendrickson, David C. Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 1-10.

¹⁰ Hassner, Pierre. Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.

¹¹ Drezner, Daniel. The New “New World Order” // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007.

¹² Brzezinski, Zbigniew. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. N.Y., 2004. Pp. 202-203.

исключительности и искушений абстрактного универсализма, плодящих эссенциалистские конструкты «либеральной гегемонии» и «демократического мира», так и соблазнов социокультурного релятивизма. Однако баланс в понимании миссии Нового Рима как пионера освоения пространственно-временного континуума Современности, вошедшего в себя разных участников глобального взаимодействия, обладающих равными правами, но разными сценариями мирового развития, американской наукой международных отношений, стремящейся к созданию нео-неоконсенсуса (неолиберализма и неоконсерватизма), не был достигнут во внешнеполитическом дискурсе нового XXI века глобальной истории.

Литература

- Brzezinski, Zbigniew.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004. 256 p.
- Brzezinski, Zbigniew; Scowcroft, Brent; Ignatius, David.* America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. N.Y.: Basic Books, 2008. 304 p.
- Chace, James.* Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 19-25.
- Drezner, Daniel.* The New "New World Order" // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007, pp. 34-46.
- Glennon, Michael J.* Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.
- Hassner, Pierre.* Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.
- Hendrickson, David C.* Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 9-36.
- Ikenberry, John.* America's Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.
- Krauthammer, Charles.* The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, pp. 5-17.
- Kupchan, Charles A.* Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-29.
- Nye, Joseph.* U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.
- Slaughter, Anne-Marie.* Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // *American Journal of International Law*, Vol. 99, July 2005, pp. 619-631.
- Кейган Р.* О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. – М.: РОССПЭН, 2004. 160 с.
- Кеннеди П.* Взлет и падение великих держав. М., 2000.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии XXI века. М., 2002. 352 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ, 2004.

Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М.: Издательство Независимая Газета, 2004. 632 с.

References

Brzezinski, Zbigniew. The Choice: Global Domination or Global Leadership. N.Y., 2004. 256 p.

Brzezinski, Zbigniew; Scowcroft, Brent; Ignatius, David. America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy. N.Y.: Basic Books, 2008. 304 p.

Chace, James. Avoiding Empire // *The National Interest*, No. 69, Fall 2002, pp. 19-25.

Drezner, Daniel. The New "New World Order" // *Foreign Affairs*, Vol. 86, No.2, March-April 2007, pp. 34-46.

Fukuyama, Francis. Konets istorii i poslednii chelovek (The End of History and the Last Man). Moscow: Izd-vo AST, 2004.

Glennon, Michael J. Why the Security Council Failed? // *Foreign Affairs*, May-June 2003.

Hassner, Pierre. Definitions, Doctrines and Divergences // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 30-34.

Hendrickson, David C. Toward Universal Empire. The Dangerous Quest for Absolute Security // *The World Policy Journal*, Vol. 19, No.3, Fall 2002, pp. 9-36.

Hobsbaum, Eric. Epokha krainostei: Korotkii dvadtsatyi vek (1914-1991) (The Age of Extremes: a History of the World (1914-1991)). Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta, 2004. 632 p.

Ikenberry, John. America's Imperial Ambition // *Foreign Affairs*, Vol. 81, No. 5, September-October 2002.

Keigan, Robert. O rae i sile: Amerika i Evropa v novom mirovom poriadke (On Paradise and Power: America and Europe in the New World Order). Moscow: ROSSPEN, 2004. 160 p.

Kennedy, Paul. Vzlet i padenie velikikh derzhav (The Rise and Fall of the Great Powers). Moscow, 2000.

Kissinger, Henry A. Nuzhna li Amerike vneshniaia politika? K diplomatii XXI veka (Does America Need a Foreign Policy? Towards a Diplomacy of the 21st Century). Moscow, 2002.

Krauthammer, Charles. The Unipolar Moment Revisited // *National Interest*, Winter 2003, pp. 5-17.

Kupchan, Charles A. Misreading September 11th // *The National Interest*, Fall 2002, pp. 26-29.

Nye, Joseph. U.S. Power and Strategy after Iraq // *Foreign Affairs*, Vol. 82, No. 4, July-August 2003.

Slaughter, Anne-Marie. Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // *American Journal of International Law*, Vol. 99, July 2005, pp. 619-631.

THE U.S. AS THE NEW ROME: DISPUTING THE NEW WORLD ORDER

Olga I. Ivonina

*Novosibirsk State Education University,
Novosibirsk, Russia*

<p>Article history: <i>Received:</i> 28 April 2016 <i>Accepted:</i> 15 June 2016</p>	<p>Abstract: The starting point of the conclusions of politicians and experts was the recognition of the changed nature of threats to the New World Order. In post-Westfalia system of international relations the main actors are not sovereigns, but transnational actors of world politics, including transnational terrorist and criminal networks. In this situation, the support of global security threat serves the underground world – terrorists, shady business structures, failed states. The unconventional nature of the threat to peace and stability of the New World Order requires an equally innovative response which transcends the formal constraints of international law and the traditional doctrine of deterrence. An analysis of the U.S. foreign policy concepts suggests that today’s academic and political community has promoted consensus of neoliberals and neoconservatives, supporters of the institutional functionalism and representatives of the school of Realpolitik. This consensus was based on the recognition of the admissibility of pre-emptive strikes on the territory of failed states, sponsoring international terrorism, or the implementation of open interference in the internal affairs of “rogue states” for human rights and democratic freedoms guarantee.</p>
<p>About the author: Dr. of History, Professor, Department of Russian and World History, Novosibirsk State Education University e-mail: ivonina@ngs.ru</p>	
<p>Key words: world-systems; competing identities; neo-conservatism; neo-liberalism; new world.</p>	

Для цитирования: Ивонина О.И. Новый Рим в новом мире: к вопросу о роли США в конструировании нового миропорядка // *Сравнительная политика*. – 2016. – № 3. – С. 17–24.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24

For citation: Ivonina O.I. Novyi Rim v novom mire: k voprosu o roli SShA v konstruirovanii novogo miroporiadka (The U.S. as the new Rome: disputing the new world order) // *Comparative Politics, Russia*, 2016, No. 3, pp. 17-24.

DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-3(24)-17-24